

Долгий поиск ведется с расчетом,
Чтоб под натиском фактов и дат
Дать — пока безымянным —

высотам

Имена неизвестных солдат.

Я ИЗ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Древесину из Зеленой браны
фабрика не принимает: в столах
дубов прячутся осколки снарядов и
бомб, пули, всякий металл... Пилы
выходят из строя.

«Зеленая браня»

Через 38 лет после тех боев на Кировоградской земле, участником которых он был, пришла ему телеграмма: приглашали на очередную годовщину освобождения Кировоградчины. Память сразу вернула Евг. Долматовского в первое лето войны, в июльские — августовские дни. в украинское село Подвысокое — большое, зеленое, с густо разросшимися вишневыми садами: в одном из них, когда положение стало безвыходным, он вместе с другими сотрудниками армейской газеты закапывал наборные кассы со шрифтами и печатный станок. Вспомнилась и река Синюха, которую бойцы горестно называли Красной: даже при дикой жажде невозможно было пить ее мутно-розовую от крови воду. И, конечно, вспомнилась

ПОЧТА
ОДНОЙ КНИГИ

ТАК БЫЛО...

«ЗЕЛЕНАЯ БРАМА» Евг. ДОЛМАТОВСКОГО И ЕЕ ЧИТАТЕЛИ

Зеленая браня — Зеленые ворота, дубрава, где полегли товарищи, где сам получил первое свое ранение в голову и руку. «...Может быть, в каком-то из деревьев Зеленой браны, нарушив порядок годовых колец, — напишет он потом в книге, — прячутся осколки немецкой мины или снаряда, один из которых закалился в моем теле. Выходит, я с тем деревом родственник...» Вспомнил, как генерал С. Огурцов пытался пойти на прорыв со своим печальным войском, состоявшим в основном из раненых, малой части разрозненных групп красноармейцев и кавалеристов, вспомнил, как привязали его рушником к седлу... Был после плен и побег, его поставили на ноги семья Вербиных на хуторе Алексеевка...

Он держал в руках телеграмму из Кировограда и не знал, что же ответить на приглашение. Он не был участником освобождения этих мест в 44-м, он был из августа 41-го — горестного, трагического, когда две армии — 6-я и 12-я, — ведя тяжелейшие, упорнейшие, отчаянные бои, оказались в кольце превосходящих силами гитлеровцев. Тень поражения... И хотя в нем жила уверенность: святая вера в победу в жестоком 41-м, несгибаемость, непреклонность — это те корни, на которых возросло древо Победы 45-го, — но все же, все же была и тень.

Забегая вперед в этом рассказе об истории создания книги «Зеленая браня», заметим, что, когда она вышла в свет, участник уманских событий Т. Титов (тогда самый, за которым охотились охотники, расклевывая по селам объявление: «Кто поймает партизан Титова и Володина, получит по пять тысяч марок за каждого...»), ныне председатель колхоза. Герой Социалистического Труда, обратился и автору со словами: «Не было бы сорок первого — не наступили бы и сорок пятый...» А вот что написал Евг. Долматовскому из села Подвысокое председатель колхоза «Дружба» С. Кривописный, участник Сталинградской битвы: «У нас в селе, я замечал, ветераны чувствуют себя как-то угнетенно, как будто они еще и сейчас винуваты перед нашими людьми, что досталось тогда Подвысокое врагу. Их было 44 только. Они шли по селу на протезах или опирались на палки. Я такой тост провозгласил: «Выше голову, товарищ ветеран! Здесь в августе сорок первого года ты до конца выполнил свой долг. В фундаменте Победы сорок пятого года тобой положен тяжелый, но очень важный камень. Не протренишься ты тогда две недели у Подвысокого, еще солонее пришлось бы нам в Сталинграде, а ведь оттуда пришли мы в Берлин!» И маршал И. Х. Баграмян написал в своем послесловии к «Зеленой бране»: «...Победители — не только те, кто героически сражались, освобождая города и страны, но и те, кто сражался и побеждал, отступая; сражался, закладывая фундамент будущих побед. Теперь, по прошествии сорока лет, время настоятельно требует выявить имена героев первых дней и месяцев войны — тех, кто своим мужеством сорвал планы гитлеровского «блицкрига».

...Евг. Долматовский поехал тогда на Кировоградчину. На опушке Зеленой браны стоял у красного гранитного знака — «В этих краях 2—7 августа 1941 года вели героические бои воины 6-й и 12-й армий под командованием генералов И. Н. Музыченко и П. Г. Понеделина. Вечная память героям, погибшим за Советскую Батьковщину!». А потом в подвысоком Доме культуры на стенах народного музея встретился со своими боевыми товарищами — «Удивительно свойство портретов: под каким углом ни стань, а заставшие на портрете глаза, как живые, следят за тобой, движутся, наблюдая». Директор народного музея Д. И. Фартушняк (для него война началась на рассвете 22 июня, был ранен, попал в плен, бежал, воевал в Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, а потом еще и на Дальнем Востоке) и его коллега Г. К. Симоненко (подростком в 43-м был угнан в Германию, бежал, поймали, стал узником Освенцима, затем Дахау, снова бежал...) познакомили Евг. Долматовского с материалами, которыми к тому времени располагал музей: свидетельства очевидцев, письма, фотографии, схемы, карты — все это собрали красные следопыты. Из отдельных штрихов стала вырисовываться общая картина, и еще выпуклее, четче, ярче обозначились стойкость, отвага, беззаветная преданность Родине ее защитников, принявших на себя тут, как и в других уголках советской земли в тот час, первые яростные удары вооруженных до зубов фашистских полчищ. Юные следопыты возвращались из небытия имена неизвестных солдат — и тех, кто пал в неравных боях, и тех, кто не выбрался из окружения, и тех, кого судьба бросила в Уманскую яму — фабрику смерти, концлагерь, не раз называвшийся на Нюрнбергском процессе над главными фашистскими преступниками.

Хлебнувший из этой чаши горя, Евг. Долматовский, вернувшись с Кировоградчины, написал статью в «Красную звезду», рассказал в радиовыступлении о народном музее в Подвысоком, о поиске, который ведут следопыты. В ответ пришли письма, поток писем — в них факты, подробности, имена... Так родилась книга «Зеленая браня» («Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны»). Книга о кадровых войсках Красной Армии, принявших бой на границе и сражавшихся с 22 июня до начала августа, пока не иссякли возможности сопротивления. С новой силой зазвучали имена героев лесной кре-

пости сорок первого года, замечательных военачальников, командиров, комиссаров, многих солдат и офицеров, стали известны их подвиги, подвиги колхозников, укравших наших бойцов, подвиги врачей...

Публикация первой части книги в журнале «Октябрь» вызвала большую почту. Некоторые письма автор использовал при издании книги в «Роман-газете». Эта публикация снова вызвала отклики. Сейчас в дополненном виде «Зеленая браня» вышла в Политиздате.

«ОБРЕЛИ ИМЕНА И ФИМИЛИИ»

Так вот и получается: все дальше от нас драматические события 1941 года, но все больше фактов и подробностей, раскрывающих их величие, их значение! Исследователи — сыны и внуки героев.

«Зеленая браня»

...В квартире поэта на книжных полках, стеллажах, на столах, на подоконниках — всюду письма: можно подумать, что здесь находится учреждение. Письма все идут, говорит Евг. Долматовский. Ответить на каждое он не может: для этого ему пришлось бы забросить и стихи, и преподавание в Литинституте, и работу в Советском комитете защиты мира, вообще уйти от всех многообразных писательских дел.

Вместе разбираем очередную пачку. Почти каждое письмо содержит слова благодарности за правдивую, честную, очень нужную книгу. Некоторые начинаются так: «Я тоже из сорок первого года». Или завершаются подписью: «Солдат

сорок первого года». В них — подтверждение подлинности легенд, дополнения, подробности военных действий, рассказы о боевых товарищах, воспоминания о близких — никто не забыт, ничто не должно кануть в Лету.

«Повесть меня так взволновала, что вот уже третий месяц все нахожусь под впечатлением прочитанного, — пишет из Краснодарского края С. С. Сычев. — Вы все поставили на свои места, я даже стал гордиться, что сражался летом 41 года на Украине, в селе Подвысокое...»

На этом письме Евг. Долматовский тоже сделал пометку — «отправить в Подвысокое»:

«Все так и было. Самоотверженность, героизм воинов, их ненависть к врагу проявлялись всеми, кому пришлось воевать в этих тяжелых условиях, — пишет из Липецка В. А. Данилин. — Никто из нас не забудет и Уманскую яму, и Винницу, и Шепетовку. Многие смогли уйти к партизанам, бежали и снова воевали...»

Письмо из Пензы от А. Д. Самарцева: «Огромное спасибо вам и маршалу И. Х. Баграмяну, который подтвердил, что мы не виновны в случившемся в Зеленой бране и что мы сделали все, что было в наших силах. Это было так: мы либо были убиты, либо раздавлены силой тяжелого оружия, которого так нам не хватало. Если нас брали, то только тогда, когда уже был израсходован весь боезапас. Это говорю не о себе — это о всех, кто был рядом. Лес, в котором скопились войска 12-й и 6-й армий, простреливался всеми видами оружия, люди без продовольствия, много раненых и просто обесившихся в непрерывном бою, оставшиеся от недавно еще полноценных частей... Ночью с 19 на 20 августа, не знаю кем, была организована вылазка на прорыв... Я жив, однако иногда, когда исполняется песня Гамзатова «Журавли», остро, с болью в сердце ощущаю сожаление, что не с ними в полете».

Во многих письмах рассказывается о людях, чьи фамилии названы в «Зеленой бране».

Бывший узник Зансенхаузена И. М. Крючков из Тульской области пишет о генерале Ткаченко: «Он находился в большом лагере, а мы, военнопленные, в малом». Еще одно письмо о Ткаченко: «Я, Устинов Николай Павлович, бывший адъютант комдива 44-й горнострелковой дивизии генерал-майора Ткаченко, хочу подтвердить некоторые факты». Устинов сообщает о том, как генерал был ранен, взят в плен, как он, Устинов, пытался вызвать его, но генерал сказал: «Нет, мне отсюда не уйти, я под особым надзором... Если попробуете и нашим, напиши мое единственную просьбу, напиши письмо Сталину, передай, что генерал Ткаченко никогда, до самой смерти, не изменит Родине, жил и умрет коммунистом». Москавич Е. Левандовский пишет: «В своей книге вы просите отозваться о тех, кто знает что-либо о двух молодых людях в гражданской одежде, высаженных в расположение 6-й и 12-й армий. Вот что мне известно...» — и далее он сообщает о части особого назначения, созданной в первые дни войны из добровольцев: «В район расположения 6-й и 12-й армий был брошен рядовой Качалов. Фамилию второго я не помню. Оба они, как и большинство наших, погибли. Вообще из всей нашей части после войны осталось только семеро. И то все израненные».

Пишут участники не только уманского сражения, но и боев 41-го в других краях.

Невозможно без волнения читать письма тех, чьи отцы сражались с врагом.

Из Донецкой области пришло письмо: «Спасибо за «Зеленую браню». Спасибо, что пишете о наших отцах». Подпись — «Дочь солдата Аня». Письмо с Сахалина: «Спасибо вам за свидание с отцом. Это его путь: Винница, Умань, Запорожье, Сталинград. Отец был артиллерист-наводчик. Было ему 44 года, уже дед тогда, и звали его любовно солдаты «бабушкой». Погиб под Варшавой. Мне было 14 лет в то время, и я еще 4 года писала ему письма «в никуда», жаловалась, что трудно, советовалась, делилась радостью. М. Доценко». Письмо из Калуги. От имени семьи погибшего батальонного комиссара А. Хохлова пишет его дочь: «Мне было 8 лет, но я очень хорошо помню, как мы прощались с отцом... Помню слова отца: «Мы уничтожим фашистов и еще победим в Берлине». Отец был коммунистом с 1918 года. В гражданскую войну был партизаном, красногвардейцем, затем 25 лет служил в войсках НКВД. Он числился в списках без вести пропавших. 41 год мы его искали. В 1980 году объездили все места, где предположительно он мог быть... Нашли однопольчан отца, которые рассказали о нем очень многое. Он погиб в селе Андрушевы. Они держали норддор, по которому выходили из окружения войска РККА. Много погибло здесь красноармейцев, но задачу, поставленную перед ними командованием, они выполнили. Погибли, но выполнили! За все эти годы нам приходилось слышать немало обидных слов в адрес пропавших без вести... Некоторые удивлялись: как это может пропасть без вести политработники! Иные заявляли: погибал, кто не мог воевать. Это, конечно, единичные случаи, но они с болью врезались в наше сердце, хотя мы верили в отца. Поэтому сколько нам хватит сил, мы будем бороться за то, чтобы восстановить светлую память погибших. Мы умрем, наше дело будет продолжено наши дети. Я назвала своего сына в память отца Андреем... Дудина Людмила Андреевна».

Поиск ведут сыновья, в поиск включаются внуки. Народный музей в Подвысоком был одним из первых сельских музеев на Украине. Теперь их множество — в селах, больших и малых городах. Вот собрание от красных следопытов села Павловка Черкасской области. «Те трое, — говорится в нем, — что были до сих пор неизвестны, обрели уже свои имена и фамилии. Ими стали...»

Только одна пачка писем из огромной почты «Зеленой браны», но сколько стоит за каждой строкой каждого письма!

«Мне больно слышать, когда некоторые, оберегая свое покой, высказываются, что надоело слышать и читать о войне. Нет, мы должны всегда помнить то, что пережили. Помнить тех, которые защищали нас, отдали свои жизни. Л. Потикунова, Харьков».

Ирина РИШИНА